

МИРОНОВА Е. А.

ПРАВОВЫЕ ДЕФИНИЦИИ И ПРАВОВОЕ ДЕФИНИРОВАНИЕ

Аннотация. В статье описываются факторы, вызывающие необходимость использования правовых дефиниций. Критически оцениваются некоторые дефиниции современного российского законодательства.

Ключевые слова: правовая дефиниция, принцип системности, принцип логического изложения, принцип лингвостилистической грамотности.

MIRONOVA E. A.

LEGAL DEFINITIONS AND LEGAL DEFINING

Abstract. The article considers the factors that trigger the use of legal definitions. The author critically assesses some definitions of the current Russian law.

Keywords: legal definition, principle of consistency, principle of logical presentation, principle of linguo-stylistic literacy.

Дефиниции обладают неоценимыми свойствами разъясняющего, конкретизирующего толка. По замечанию Д. А. Керимова, «использование в законе точных специальных терминов и понятий вовсе не делает его непонятным, если в самом законе даются определения этим терминам и понятиям» [6, с. 59], а формулирование общих, единых требований для дефиниций, используемых в законодательном тексте, усиливает этот позитивный эффект, являясь одной из главных предпосылок для достижения логичности и прозрачности юридических норм.

Эффективная реализация государственной воли, которая осуществляется с помощью различных регуляторов, в частности, посредством нормативных предписаний, предполагает наличие системы требований, предъявляемых к каждому из них. Данная система является фундаментом их функционирования. Такие требования выдвигаются и по отношению к содержанию законодательных дефиниций

Дефиниция – это способ реализации мысли, применяемый в различных областях знания. Поэтому следует начать с представления тех требований к формулированию и содержанию дефиниций, которые имеют наиболее общий характер и составляют своеобразный базис для любого исследования. В частности, таковой представляется система требований к дефинициям научно-технических терминов, сформулированная И. Н. Волковой:

1. Дефиниция научно-технического понятия должна содержать только его существенные признаки, необходимые и достаточные для его идентификации и выделения из ряда других понятий.

2. Дефиниция должна быть адекватной, соразмерной дефинируемому понятию, т.е. строго соответствовать его объему.

3. Дефиниция должна быть системной содержательно, лексически и синтаксически, т.е. словесно отражать место понятия в понятийной системе, указывать на вид связей, на отношения с ближайшими понятиями.

4. Дефиниция не должна быть тавтологической, т.е. содержать только те признаки, которые уже отражены в буквальном значении термина.

5. Дефиниция не должна содержать логического круга, при котором одно понятие определяется через другое, которое, в свою очередь, объясняется через первое.

6. Дефиниция должна быть лингвистически правильной, т.е. соответствовать нормам того языка, на котором она дана.

7. Дефиниция должна быть краткой. Многословность дефиниции свидетельствует о недостаточно четкой систематизации понятий [5, с. 41–45].

Например, дефиниция «Терминал – производственно-технологический комплекс, предназначенный для осуществления операций, связанных с перевозками грузов» [4] будет соответствовать всем перечисленным выше требованиям постольку: 1) содержит существенные признаки понятия – комплекс, нужен для перевозок грузов; 2) соответствует объему понятия; 3) дефиниция емкая и содержательна; 4) не является тавтологией; 5) не содержит логического круга, так как слово «комплекс» нельзя объяснить через слово «терминал»; 6) данное определение соответствует нормам русского языка; 7) дефиниция кратка, что говорит о ее четкости и доступности для понимания.

Данные требования вполне применимы и к дефинициям, задействованным в законодательном тексте (безусловно, не являясь при этом исчерпывающими), что еще раз доказывает существование общих связей среди различных наук и объектов.

По отношению к законодательным дефинициям, самыми влиятельными являются две системы требований, сформулированных различными учеными. Первая из них определена Г. Т. Чернобиль. По мнению исследователя, определения должны «1) с оптимальной адекватностью отражать сущность дефинируемого явления; 2) иметь конвенциональный характер, т.е. базироваться на определенном научном признании, консенсусе; 3) быть дискурсивными, т.е. находиться в определенном логическом сцеплении с предшествующими общепризнанными или устоявшимися дефинициями действующего законодательства» [8, с. 81].

Данным требованиям будет соответствовать и следующая дефиниция: «Общественным движением является состоящее из участников и не имеющее членства массовое общественное объединение, преследующее социальные, политические и иные общественно полезные цели, поддерживаемые участниками общественного движения» [3]. Данная дефиниция полностью отражает сущность понятия, основана на признании научным сообществом и логически связана, например, с таким понятием как «общественное объединение».

М. В. Чиннова, являясь автором другой совокупности требований, предъявляемых к законодательным дефинициям, разбивает их на три взаимосвязанные группы, основанные на различных свойствах определений понятий: филологические (стилистические, терминологические и синтаксические правила), фактические (определяющее должно содержать существенные признаки определяемого; определение понятия должно осуществляться через термины, значения которых уже известны, более ясны и понятны, чем значение определяемого; требование «неотрицательного» определения) и логические (правило взаимозаменяемости (или переводимости); правило полноты определения; правило запрета порочного круга; правило непротиворечивости; правило однозначности) [9, с. 107]. В представленной системе, которая характеризуется довольно широким спектром требований, обобщающих, прежде всего, различные лингвистические и логические аспекты существования и содержания дефиниций, наоборот практически не уделяется внимания их правовым особенностям, специфике функционирования в законодательных актах. А это является необходимым условием для идентификации законодательных определений в общей дефинитивной среде, и, кроме этого, позволяет узреть характерные только им проблемы функционирования, постараться нейтрализовать данные проблемы с помощью специально установленных правил.

Примером может служить следующая дефиниция: «Государственная измена, то есть совершенные гражданином Российской Федерации шпионаж, выдача иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям сведений, составляющих государственную тайну, доверенную лицу или ставшую известной ему по службе, работе, учебе или в иных случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, либо оказание финансовой, материально-технической, консультационной или иной помощи иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям в деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации» [2]. Здесь соблюдены все формальные правила, предъявляемые к дефинициям, но правовому аспекту внимание уделено в меньшей степени.

Наличие научно разработанных и системно упорядоченных требований к дефинициям, объективированным в законодательных актах, безусловно, является позитивным явлением в теории права, даже несмотря на небесспорный характер отдельных аспектов их существования.

В этой связи, на наш взгляд, интересной является система требований (принципов) В. Ю. Туранина. Она включает в себя следующие принципы.

1. Принцип правовой безупречности.

Это общий принцип, вытекающий из идеального, философского понимания закона как объекта, изначально предназначенного регулировать отношения в обществе, которые в своей совокупности являются основой существования человечества. Следовательно, закон обязан быть безупречным во всех аспектах, и в первую очередь – в правовом аспекте. Дефиниции в своем проявлении являются частью закона, поэтому на них также распространяется это идеальное свойство закона. В связи с этим, законодательные определения терминов не имеют права быть коллизионными, то есть они не должны противоречить уже имеющимся дефинициям, а также существующим правовым нормам.

2. Принцип адекватного отражения сути понятия.

Построение законодательной дефиниции должно позволять каждому заинтересованному пользователю увидеть все то, что ему необходимо для последовательной и эффективной работы с определяемым термином. Поэтому в дефиниции должно быть адекватно и наиболее полно отражено содержание соответствующего понятия.

3. Принцип системности.

Данный принцип подразумевает объективное и полноценное функционирование каждой законодательной дефиниции в единой системе. Это обусловлено тождественными свойствами определений, их общей логической структурой. Система законодательных дефиниций проявляет себя точно также как и юридическая терминологическая система, ведь в большинстве случаев дефиниции следуют за терминами, являются их тенью. Поэтому и в данной системе присутствуют, к примеру, свои взаимосвязанные и взаимозависимые дефинитивные ряды, характеризующиеся определенной иерархией. Особенно важным аспектом в данном случае является согласованность дефиниций между собой, их непротиворечивость. Как показывает исследование современного российского законодательства, проблемы в данном отношении есть, причем некоторые из них имеют довольно существенный характер, негативно сказывающийся на процессе реализации юридических норм.

4. Принцип краткости формы и полноты содержания.

Выделение этого принципа, как и в первом случае, основано на корреляционной связи права и философии. Форма и содержание – это две неотделимые друг от друга категории, которые одинаково важны для любого объекта правовой действительности. Законодательные дефиниции следует облачать в краткую форму, которая способствует объективной экономии языковых средств и служит удобным элементом восприятия нормативного предписания. Вместе с тем краткость в формулировании дефиниции обязана иметь разумные границы, ни в коем случае не деформировать содержание понятия, отражать его существенные аспекты, которые позволяют идентифицировать данное понятие в понятийной системе, что необходимо для стабильного и эффективного функционирования каждой дефиниции в тексте закона.

5. Принцип логичного изложения.

Данный принцип отражается в установлении и укреплении логических связей внутри самого определения, он основывается на последовательности его изложения. В содержании законодательной дефиниции нет места для логических противоречий, а значит, - каждое последующее должно быть продолжением предыдущего, вытекать из его сути, существовать во взаимосвязи с ним, а не отрицая его. Поэтому следует выстраивать логичные словесные ряды, в которых каждое слово находится на своем месте, помогая реализоваться другому слову, определяя тем самым общую суть фразы, предложения. В законодательном определении недопустима тавтология, которая выражается в определении понятия через самого же себя.

6. Принцип лингвостилистической грамотности.

Сформулированная в окончательной форме законодательная дефиниция должна характеризоваться грамотностью в своем изложении, а значит, соответствовать всем нормам современного русского языка. В данном случае важно, прежде всего, соблюдение лексико-стилистических норм литературного языка, в частности, требований к современной терминологии. Законодательную дефиницию следует выстраивать таким образом, чтобы задействованные в ее текстовой основе термины преимущественно употреблялись в том смысле, в котором они известны потенциальному пользователю, без дополнительных пояснений к ним [7, с. 28–32].

Пример: «Неустойкой (штрафом, пеней) признается определенная законом или договором денежная сумма, которую должник обязан уплатить кредитору в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства, в частности, в случае просрочки исполнения» [1]. Данная дефиниция будет подходить под все перечисленные выше требования, так она будет и идеальной, то есть не противоречащей другим нормам

законодательства; и системной, поскольку данная дефиниция входит в систему гражданско-правовых дефиниций; полностью раскрытой, но при этом краткой; логически изложенной, так как не содержит логических противоречий; и, конечно же, она соответствует нормам русского языка.

Можно отметить, что в основе всех приведенных систем требований (принципов) лежат сходные положения, только каждый автор уделяет им разное значение в применении к дефинициям. Поскольку нас, как юристов интересуют правовые или, конкретизируя данное понятие, законодательные дефиниции, то на практике следует использовать такую систему требований, в которой в равной степени отражены и правовые, и логические, и лингвистические требования.

Таким образом, законодательная дефиниция, сформулированная на основе любой из данных систем требований (принципов), должна восприниматься как объект, существующий во внутренней и внешней гармонии, действительно способствующий выражению законодательной мысли и отражающий основные свойства интерпретируемого понятия, востребованного правом. Только тогда определение понятия, представленное в тексте закона, будет являться катализатором процесса укрепления качественных характеристик законодательного акта, опорой его юридической стабильности и основой эффективности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
3. Об общественных объединениях: Федер. закон от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 21. – Ст. 1930.
4. Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта: Федер. закон от 8 нояб. 2007 г. № 259-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 46. – Ст. 5555.
5. Волкова И. Н. Стандартизация научно-технической терминологии. – М.: Изд-во стандартов, 1984. – 199 с.
6. Керимов Д. А. Законодательная техника: науч.-метод. и учеб. пособие. – М.: НОРМА-ИНФРА-М, 1998. – 121 с.

7. Турагин В. Ю. Теория и практика использования законодательных дефиниций: монография. – М.: МЭСИ, 2009. – 108 с.
8. Чернобель Г. Т. Правовые понятия и их применение в законах // Законодательная техника: науч.-практ. пособие / под ред. Ю. А. Тихомирова. – М.: Городец, 2000. – С. 78–88.
9. Чиннова М. В. Дефиниции и их использование в нормативно-правовых актах: дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2004. – 130 с.